

О.Б. Леонтьева*

1917 ГОД В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В статье проводится сопоставление оценки революционных событий в дневниках и публицистических очерках видных российских писателей и мыслителей — Н.А. Бердяева, А.А. Блока, С.Н. Булгакова, И.А. Бунина, З.Н. Гиппиус, А.М. Горького, Ю.В. Готье, М.М. Пришвина, В.В. Розанова, С.Л. Франка и других, — написанных в 1917–1918 гг. Выявлен ряд стержневых тем: осознание необратимости совершившихся перемен, разочарование в прежних представлениях о народе и интеллигенции, кризис гуманистического мировоззрения. Доказывается, что в ситуации ценностного кризиса представители российской интеллигенции искали ответы на насущные вопросы современности в классической русской литературе и исторических трудах, выполнявших роль мировоззренческих ориентиров.

Ключевые слова: российская революция 1917 г., интеллигенция, дневники, публицистика, кризис идентичности.

Революция 1917 г., столетний юбилей которой отмечается в текущем году, на протяжении века была одним из смыслообразующих событий в отечественной исторической памяти. В течение советского периода Октябрьская революция трактовалась как переломная веха отечественной и мировой истории, служила обоснованием легитимности существующего строя [1, с. 90–94, 102–105; 2, с. 30, 32, 88]. В годы крушения советской системы одним из показателей глубоких перемен в сознании людей стало резкое изменение отношения к революции. В современном российском обществе представления об Октябрьской революции утратили объединяющий потенциал и оказались вписанными «в нарративные схемы разной идеологической направленности» [2, с. 84, 90; 3].

Немалую роль в переосмыслении революционных событий сыграли «голоса из прошлого», услышанные на Родине лишь в эпоху «перестройки». На рубеже 1980-х — 1990-х гг. отечественному читателю стали доступны эго-документы и публицистические очерки писателей, философов, ученых — современников революции 1917 г., ранее публиковавшиеся лишь за границей или с купюрами в СССР: дневниковые записи А.А. Блока, И.А. Бунина, З.Н. Гиппиус, Ю.В. Готье, М.М. Пришвина, публицистические очерки А.М. Горького, В.В. Розанова, «веховцев» (Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка и других), относящиеся к 1917–1918 гг. Первоначально читатели искали в них «запретную правду» о революции или концептуальные обобщения, не совпадавшие с марксистско-ленинской схемой. Со временем приходило осознание, что эти источники ценны как опыт рефлексии представителей российской интеллигенции на переломе эпох. Сами авторы понимали, что их наблюдения далеки от беспристрастности, но сознавали,

что «наша “пристрастность” будет ведь очень и очень дорога для будущего историка» [4, с. 23].

Будучи сиюминутными откликами на происходящее, дневники и публицистика позволяют проследить, как менялись настроения авторов, как формировалась у них оценка тех или иных явлений, как они искали смысловые ориентиры в быстро меняющейся реальности. В этом отношении дневники как источники предпочтительнее мемуаров, которые обычно создаются по прошествии времени и представляют собой переосмысление былых событий с позиций прожитой жизни. Как писала Л.Я. Гинзбург, «мемуары, автобиографии, исповеди — это уже почти всегда литература, предполагающая читателей в будущем или в настоящем, своего рода сюжетное построение образа действительности и образа человека; тогда как письма или дневники закрепляют еще не предрешенный процесс жизни с еще неизвестной развязкой» [5, с. 12–13]. Впрочем, дневники З.Н. Гиппиус, подготовленные к печати ею самой в конце 1920-х гг., подверглись при этом смысловому редактированию [6, с. 35–38].

Названные выше авторы могли сочувствовать разным политическим лагерям или быть представителями «внепартийной интеллигенции». В 1917–1918 гг. А.М. Горький публиковался в меньшевистском органе «Новая жизнь»; М.М. Пришвин работал в эсеровских и энесовских органах; религиозные философы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк были близки к либеральным кругам, как и историк Ю.В. Готье; З.Н. Гиппиус активно поддерживала Временное правительство и А.Ф. Керенского; в отличие от них, религиозный мыслитель В.В. Розанов был близок к «правым». Разными были и их дальнейшие судьбы. Большинство ждала эмиграция, добровольная или вынужденная;

* © Леонтьева О.Б., 2017

Леонтьева Ольга Борисовна (oleontieva@yandex.ru), кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

А.М. Горький стал главным советским писателем; М.М. Пришвин, оставшись в Советской России, сознательно избегал «политики», создавая детские и охотничьи повести и рассказы; В.В. Розанов умер от голода в 1919 г.; А.А. Блок — в 1921 г. Тем важнее обнаруживать в их текстах, при всех различиях оценок и интонаций, общие лейтмотивы и стержневые идеи: становится понятно, что тут выявлен некий «нерв эпохи».

Изучение эго-документов, созданных в 1917–1918 гг., позволяет понять особенности группового сознания интеллигенции и присущих ей «картин мира». Если социокультурный «мир/миф», который создавался русской интеллигенцией на протяжении XIX в., достаточно глубоко изучен в отечественной литературе, то проблема трансформаций самосознания интеллигенции в XX веке под влиянием суровых исторических испытаний во многом остается открытой, дискуссионной [7–10]. Восприятие русской интеллигенцией революции 1917 г. стало предметом изучения американской исследовательницы Дж. Бербанк, но ее внимание сосредоточено прежде всего на эволюции политического сознания лидеров партий и движений [11]. Задача настоящей статьи — в том, чтобы на основе анализа эго-документов и публицистических текстов, созданных в разгар революции, выявить некоторые «болевы точки» самосознания российской гуманитарной интеллигенции.

Прежде всего авторов дневников и публицистических статей объединяло восприятие 1917 года как «точки невозврата», осознание того, что «наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили» [4, с. 42]. А.А. Блок в неотправленном письме к З.Н. Гиппиус констатировал свершившуюся смену исторических эпох: «Неужели Вы не знаете, что “России не будет” так же, как не стало Рима — не в V веке после Рождества Христова, а в 1-й год I века?.. Что “старый мир” уже расплавился?» [12, с. 275]. М.М. Пришвин для характеристики своего ощущения времени использовал библейские образы: «Все происходило вне нашей обычной меры времени» [13, с. 267]; «И это надо *принять*, что мы были свидетелями, когда не церковная завеса, а само время треснуло» [14, с. 53].

Стремительный темп перемен и осознание их необратимости стимулировали переоценку ценностей. Для каждого из указанных авторов 1917–1918 гг. стали временем переосмысления прежних представлений о человеке и обществе — тем более мучительного, что к тому времени все они были зрелыми людьми со сложившимся мировоззрением.

Стержневой темой дневниковых и публицистических высказываний была дегуманизация общества. Одним из главных потрясений революционных дней для всех авторов — даже тех, кто изначально верил в очистительную силу революции, — стала агрессия толпы: от потоков вражды и раздражения, физически ощутимых на улице, в трамвае, в поезде, на сельской сходке, до крайнего проявления этой агрессии — самосудов [4, с. 19; 15, с. 13, 17–18; 13, с. 325–327, 362, 382]. Как писал А.А. Блок, «пламя вражды, дикости, татарщины, злобы, уни-

жения, забитости, недоверия, мести — то там, то здесь вспыхивает; русский большевизм гуляет, а дождя нет, и бог не посылает его!» [12, с. 244]. Отмечалось, что в насаждении этой агрессии повинна и пресса, которая «ежедневно вводит в души читателей самые позорные чувства — злость, ложь, лицемерие, цинизм и все прочее этого порядка», и новые революционные органы власти, для которых «человек оценивается так же дешево, как и раньше» [15, с. 40, 17]. Действия «Чрезвычайки», бесчеловечные аресты и расстрелы, о которых с гневом писали А.М. Горький, И.А. Бунин, М.М. Пришвин, представляли как концентрированное выражение повседневной агрессии.

В этих условиях переоценке подверглась «вера в народ» — убеждение, что «простой народ» является носителем социальной и нравственной правды, составлявшее один из столпов мировоззрения российской интеллигенции. «Где же он, великодушный и светлый народ, который влек сердца детской верой, чистотой и незлобностью, даровитостью и смирением? — спрашивал С.Н. Булгаков устами одного из персонажей своих диалогов «На пиру богов». — А теперь — это разбойничья орда убийц, предателей, грабителей, сверху донизу в крови и грязи, во всяком хамстве и скотстве» [16, с. 291]. Насколько в данном случае авторский голос сливался с голосом персонажа, остается спорным; но тем же вопросом задавались и другие современники: «Вы идете по России и видите везде опустевших озлобленных людей с расщепленной душой и спрашиваете себя: где же народ?» [13, с. 360]. В 1917–1918 гг. часто звучала мысль, что славянофилы и народники идеализировали народ в силу незнания и непонимания и что именно теперь, в революционную годину, народ показал свое истинное лицо. «Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались, — писал Н.А. Бердяев. — Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре» [16, с. 256].

В равной степени изменилось отношение к самой интеллигенции. В дневниковых записях и публицистических статьях вновь, как и после революции 1905 г., звучала «веховская» тема моральной ответственности интеллигенции за кровавые эксцессы революции. Интеллигенцию обвиняли в том, что она делала «страшное противоестественное дело», обучая российскую молодежь — «целые поколения мальчиков и девочек» — ненависти и разрушению [4, с. 77]. Обвинения в адрес интеллигенции позволяли снять историческую ответственность с народа «в смысле низших классов или вообще толщи населения»: как писал С.Л. Франк, «процесс... постепенного вытеснения добра злом, света — тьмой в народной душе совершался под планомерным и упорным воздействием руководящей революционной интеллигенции» [16, с. 481–482]. Революция в таком случае выступала как показатель исторического краха русской интеллигенции, ее просветительной и освободительной миссии; и сама борьба за освобождение и раскрепощение человека уже не казалась безусловной ценностью.

В революционные дни — когда, по словам А.М. Горького, «все человеко-звери сорвались с

цепей культуры» [15, с. 32] — под ударом оказалась сама вера в человека, стержень гуманистического мировоззрения. «Во что можно верить теперь, когда раскрылась такая несказанно страшная правда о человеке?» — задавался вопросом И.А. Бунин [4, с. 72]. «А ведь он [человек. — *О.Л.*] и раньше такой был, только покрыт был покрывалом великого государства Российского, покровы упали — и вот он, человек, весь тут налицо... — размышлял М.М. Пришвин. — Это и есть правда нашей жизни, значит, все, что случилось — мы увидели правду» [14, с. 41]. Подчас авторы эго-документов осознавали, что жизнь в атмосфере непрерывного насилия изменяет их самих. Как признавался М.М. Пришвин, живший осенью 1918 г. в одиночестве на хуторе близ Ельца и на всякий случай клавший ночью под кровать топор, «раньше казалось, так трудно, так невозможно убить, а теперь про это думается просто, и даже такой человек представляется, что убить его нужно» [14, с. 165].

Одной из самых частых метафор дневниковых записей и публицистических очерков становится смерть — прежде всего настойчиво повторяющиеся высказывания о «смерти России» [13, с. 329; 17, с. 23, 25–26; 16, с. 478; 18, с. 30]. «День и ночь живем в оргии смерти»; «главное ощущение теперь, что это *не жизнь*» [4, с. 46]; «вся наша жизнь стала “жизнью” — в кавычках» [18, с. 26], «мы умерли, бродим, как живые трупы и мертвые души» [16, с. 291] — в этих часто встречающихся выражениях можно услышать не только жалобы на лишения и опасности революционного лихолетья, но и ощущение, что жизнь утрачивает смысл. Кажется, лишь А.М. Горький и А.А. Блок выражали надежду, что они наблюдают не смерть, а родовые муки нового мира [15, с. 78], «вихрь атомов космической революции» [12, с. 248].

В ситуации распада прежних убеждений, крушения надежд представители гуманитарной интеллигенции пытались отыскать мировоззренческие ориентиры в сфере литературы и истории. Отношение авторов анализируемых текстов к русской литературе в революционную годину было сложным и амбивалентным: с одной стороны, в действительности литературы на российское общество могли усматривать одну из причин разыгравшейся социальной катастрофы. Согласно суждению В.В. Розанова, «собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература»; с его точки зрения, печально знаменитый Приказ № 1, «превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор», подготавливался на протяжении всего XIX в. сатирическими изображениями офицеров и генералов у А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого [17, с. 82–83]. И.А. Бунин был склонен винить в произошедшем «литературу, которая сто лет позорила буквально все классы, то есть “попа”, “обывателя”, мещанина, чиновника, полицейского, помещика, зажиточного крестьянина — словом, вся и всех, за исключением какого-то “народа”, — “безлошадного”, конечно, — “молодежи” и босяков» [4, с. 46]. С другой стороны, литература выступала как один из ключей к пониманию происходящего.

Так, Н.А. Бердяев и М.М. Пришвин узнавали в революционных реалиях знакомые типажи, описанные Гоголем, Толстым и Достоевским: Хлестакова, снова разыгрывающего из себя важного чиновника; Чичикова, который по-прежнему торгует мертвыми душами, но теперь не в кибитке тащится, а «мчится в курьерских поездах и повсюду рассылает телеграммы»; «бесноватых Верховенских»; наивно-прагматичного Каратаева, бережливо зарывающего в землю бутылку с «керенками»; и, наконец, самого «страшного типа» — Смердякова-комиссара, умного и талантливого от природы, у которого «без ученья и без выхода всякая благодать превосходства перешла в злость самолюбия» и который поэтому самоутверждается исключительно злобой и разрушением [16, с. 256–258, 270–272; 14, с. 76–77]. Литература возводилась в ранг сбывшегося пророчества — поскольку ей, с точки зрения интеллигентного читателя, подвластна глубинная правда о человеке и о русском человеке в частности.

Ответы на насущные вопросы современности искали и в трудах по истории. М.М. Пришвин зафиксировал, что с февраля 1917 г. петроградская публика скупала все имевшиеся в наличии экземпляры «Истории Французской революции» [13, с. 258–259]; отсылки к труду И. Тэна о Французской революции можно встретить и у М.М. Пришвина, и у Ю.В. Готье, и у З.Н. Гиппиус (все они сравнивали агрессивную российскую толпу с гориллами — это сравнение было взято у Тэна) [13, с. 382–383; 19, с. 7, 11; 18, с. 20]; в свою очередь, И.А. Бунин читал на ту же тему работы Ж. Ленотра [4, с. 94, 108–110]. М.М. Пришвин описывает, как знакомые гимназистки пришли к нему с вопросом — «Кто больше похож на Марата, Ленин или Троцкий?»; писатель не сразу понял, что девочки-подростки мечтают о славе Шарлотты Корде [13, с. 385, 387, 390]. Ю.В. Готье как историк с большим скепсисом относился к любым параллелям между Французской революцией и 1917 г., но находил немало аналогий со Смутным временем или Пугачевщиной [19, с. 53, 58]. В свою очередь, И.А. Бунин, чтобы понять события революции, перечитывал труды В.Н. Татищева (раздел о княжеских междоусобицах), С.М. Соловьева (о Смутном времени) и Н.И. Костомарова (о Стеньке Разине); вердикт И.А. Бунина гласил: «Вся беда (и страшная), что никто даже малейшего подлинного понятия о “русской истории” не имел» [4, с. 50–51, 87–88], то есть политики, разжигавшие пламя революции, не подозревали, сколь разрушительные силы могут вырваться наружу. Наконец, А.А. Блок записал на страницах своего дневника: «Да будет 41-я лекция Ключевского нашей настольной книгой — для русских людей как можно большего круга» [12, с. 218]; в этой лекции «Курса русской истории» шла речь об основных социальных, экономических и политических противоречиях российского общества XVII–XIX вв., где можно было усмотреть истоки событий 1917 года. Ценность исторических знаний хроникеры эпохи видели в том, что история учит видеть аналогии и повторяемость, понимать национальную психологию и отыскивать

корни социальных проблем, но эта ценность, с их точки зрения, выявляется именно в катастрофическую эпоху.

Теряя веру в народ, интеллигенцию, свободу и в самого человека, российские писатели и гуманистари по-прежнему верили в силу мысли и слова. Вероятно, это и заставляло их продолжать вести свои записи в революционное лихолетье, «чувствуя себя обязанными», по словам историка Ю.В. Готье, «создать... очень несовершенный, очень субъективный, но все же исторический источник, который, может быть, кому-нибудь пригодится в будущем» [19, с. 14].

Библиографический список

1. Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
2. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
3. Шубин А.В. Революция 1917–1922 гг. и мы // Историческая экспертиза. URL: http://istorex.ru/page/shubin_av_revolyutsiya_1905-1922_gg_i_mi (дата обращения: 21.03.2017).
4. Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Современник, 1991. 255 с.
5. Гинзбург Л. О психологической прозе. Изд. 2-е. Л.: Художественная литература, 1977. 448 с.
6. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
7. Русская интеллигенция. История и судьба. М.: Наука, 1999. 423 с.
8. Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. Материалы международной конференции. Неаполь, май 1997. М.: О.Г.И., 1999. 152 с.
9. Кнабе Г.С. Перевернутая страница. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 60 с.
10. Сабурова Т.А. Русский интеллектуальный мир/миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). Омск: Издательский дом «Наука», 2005. 306 с.
11. Burbank Jane. *Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922*. N.Y.: Oxford University Press, 1986. 340 p.
12. Блок А.А. Дневник. М.: Советская Россия, 1989. 512 с.
13. Пришвин М.М. Дневники, 1914–1917. М.: Моск. рабочий, 1991. 430 с.
14. Пришвин М.М. Дневники. Кн. 2: (1918–1919). М.: Моск. рабочий, 1994. 380 с.
15. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре; Рассказы. М.: Современник, 1991. 126 с.
16. Вехи: сб. ст. о рус. интеллигенции; Из глубины: сб. ст. о рус. революции. М.: Правда, 1991. 606 с.
17. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. СПб.: Азбука, 2001. 416 с.
18. Гиппиус З. Дневники: в 2 кн. Кн. 2. М.: НПК «Интелвак», 1999. 720 с.
19. Готье Ю.В. Мои заметки. М.: ТЕРРА, 1997. 592 с.

References

1. Koposov N.E. *Pamiat' strogogo rezhima: Istorii i politika v Rossii* [Memory of the strict regime: History and politics in Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 320 p. [in Russian].
2. Malinova O.Yu. *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaja politika vlastvuiushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti* [Actual past: symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. M.: Politicheskaja entsiklopediia, 2015, 207 p. [in Russian].
3. Shubin A.V. *Revoliutsiia 1917-1922 gg. i my* [The Revolution of 1917–1922 and we]. In: *Istoricheskaja ekspertiza* [Historical Expert Review]. Retrieved from: http://istorex.ru/page/shubin_av_revolyutsiya_1905-1922_gg_i_mi (accessed 21.03.2017) [in Russian].
4. Bunin I.A. *Okaianne dni* [Cursed Days]. M.: Sovremennik, 1991, 255 p. [in Russian].
5. Ginzburg L. *O psikhologicheskoi proze. Izd. 2-e*. [On psychological prose. 2nd ed.]. L.: «Khudozhestvennaia literatura», 1977, 448 p. [in Russian].
6. Kolonitskiy B. «*Tragicheskaja erotika*»: *obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny* [«Tragic erotics»: the images of the imperial family during the World War I]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 664 p. [in Russian].
7. *Russkaja intelligentsiia. Istorii i sud'ba* [Russian intelligentsia. History and destiny]. M.: Nauka, 1999, 423 p. [in Russian].
8. *Russkaja intelligentsiia i zapadniy intellektualizm: Istorii i tipologija. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Russian intelligentsia and Western intellectualism: history and typology. Materials of the international conference]. Naples, May 1997. M.: O.G.I., 1999, 152 p. [in Russian].
9. Knabe G.S. *Perevernutaia stranitsa* [Turned page]. M.: Rossiisk. gos. gumanit. un-t, 2002, 60 p. [in Russian].
10. Saburova T.A. *Russkii intellektual'nyi mir/mif (Sotsiokul'turnye predstavleniia intelligentsii v Rossii XIX stoletii)* [Russian intellectual world/myth (Social and cultural views by the Russian intelligentsia in the 19th century)]. Omsk: Izdatel'skii dom «Nauka», 2005, 306 p. [in Russian].
11. Burbank Jane. *Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922*. N.Y.: Oxford University Press, 1986, viii, 340 p. [in English].
12. Blok A.A. *Dnevnik* [Diary]. M.: Sovetskaia Rossiia, 1989, 512 p. [in Russian].
13. Prishvin M.M. *Dnevniki, 1914–1917* [Diaries, 1914–1917]. M.: Mosk. rabochii, 1991, 430 p. [in Russian].
14. Prishvin M.M. *Dnevniki. Kn. 2: (1918–1919)* [Diaries. Book 2: (1918–1919)]. M.: Mosk. rabochii, 1994, 380 p. [in Russian].
15. Gor'kiy M. *Nesvoevremennye mysli: Zametki o revoliutsii i kul'ture; Rasskazy* [Untimely Thoughts: Essays on revolution and culture. Short stories]. M.: Sovremennik, 1991, 126 p. [in Russian].
16. *Vekhi: Sb. st. o rus. intelligentsii; Iz glubiny: Sb. st. o rus. revoliutsii* [Vekhi: Collection of essays on the Russian Intelligentsia; From the Depths: Collection of Essays on the Russian Revolution]. M.: Pravda, 1991, p. 290–353 [in Russian], 606 p. [in Russian].
17. Rozanov V.V. *Apokalipsis nashego vremeni* [Apocalypse of Our Times]. SPb.: Azbuka, 2001, 416 p. [in Russian].
18. Gippius Z. *Dnevniki: V 2 kn. Kn. 2* [Diaries: in 2 books. Book 2]. M.: NPK «Intelvak», 1999, 720 p. [in Russian].
19. Gautier Yu.V. *Moi zametki* [My notes]. M.: TERRA, 1997, 592 p. [in Russian].

*O.B. Leontieva****REVOLUTION OF THE 1917 IN THE PERCEPTION OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA**

The article contains the comparison between the perceptions of the revolutionary events of the 1917 which were reflected in the diaries and journalistic works by the prominent Russian writers and thinkers: Nicolai Berdyaev, Alexander Blok, Sergei Bulgakov, Ivan Bunin, Zinaida Gippius, Maxim Gorky, Youri Gauthier, Mikhail Prishvin, Vasily Rozanov, Semyon Frank and others. The author reveals some key themes in their works which were written in the 1917–1918: recognition of the irreversibility of the revolutionary changes; disappointment with the former visions and beliefs in the people and the intelligentsia; the crisis of the humanistic values. She argues that the representatives of the Russian intelligentsia searched solutions of the urgent problems in the classic Russian literature and the works of historians; literature and history proved to be the only milestone in the midst of the crisis of values.

Key words: Russian revolution of the 1917; intelligentsia; diaries; journalism; crisis of values.

Статья поступила в редакцию 15/IX/2017.
The article received 15/IX/2017.

* *Leontieva Olga Borisovna* (oleontieva@yandex.ru), Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.